
ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 327.5

ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ И ПАНАМЕРИКАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ОДНОПОЛЯРНОГО МИРА

И. И. АНТОНОВИЧ¹⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируются тенденции использования социальных технологий вестернизации и американизации в ходе осуществления стратегии панатлантизма, которая предполагает строительство однополярного мира, обеспечивающего мировую гегемонию США. Отмечается, что с распадом СССР, государства социалистической модели, вестернизация стала устойчивым трендом строительства глобального мира, в котором принципы финансово-экономической взаимозависимости определяются наиболее экономически и политически сильными игроками. Ведущим содержанием вестернизации выступает американизация – навязывание миру американских образцов социально-экономического и политического устройства. Отмечается, что одна из важнейших задач американизации мира состоит не в том, чтобы просто подчинить мир своему влиянию и распространить свои цивилизационные начала, а в том, чтобы использовать богатства покоряемых территорий в своих интересах. После распада СССР политика глобального гегемонизма США сводится к стремлению Америки быть лидером. При этом все попытки оздоровления внутриамериканской жизни, создания новых смыслов, определяющих поведение рядовых американцев, пока не принесли успеха. США демонстрируют неспособность осуществлять господствующую миссию лидерства. Для укрепления американской роли и западного сообщества в мире необходимо предпринять целый ряд новых усилий. Подчеркивается, что наметилось новое противостояние панатлантистов, составляющих меньшинство государств, и мирового большинства. Приводится мысль о том, что ускоренное развитие Китая в конце XX в. насторожило США. В начале XXI в. критика стала направляться и против России. Западные стратеги настаивают на том, что нельзя недооценивать стремление России защитить свой суверенитет. При этом пока ничто не указывает на изменение губительного для всего мира курса США.

Ключевые слова: однополярный мир; вестернизация; американизация; геополитика; мировая гегемония США.

Образец цитирования:

Антонович ИИ. Вестернизация и панамериканизация как социально-политические технологии строительства однополярного мира. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2024;4:43–58.
EDN: TQZSDV

For citation:

Antonovich II. Westernisation and pan-Americanisation as socio-political technologies for building a unipolar world. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2024; 4:43–58. Russian.
EDN: TQZSDV

Автор:

Иван Иванович Антонович – доктор философских наук, академик Российской академии социальных наук, профессор.

Author:

Ivan I. Antonovich, doctor of science (philosophy), academician of the Russian Academy of Social Sciences, full professor.
iantonovich@mail.ru

WESTERNISATION AND PAN-AMERICANISATION AS SOCIO-POLITICAL TECHNOLOGIES FOR BUILDING A UNIPOLAR WORLD

I. I. ANTONOVICH^a

^a*Independent researcher, Moscow, Russia*

Abstract. The article analyses the trends in the use of social technologies of Westernisation and Americanisation in the course of implementing the strategy of pan-Atlanticism, which involves the construction of a unipolar world that ensures the global hegemony of the USA. It is noted that with the collapse of the USSR, a state of the socialist model, Westernisation has become a stable trend in the construction of a global world in which the principles of financial and economic interdependence are determined by the most economically and politically powerful players. The leading content of Westernisation is Americanisation – the imposition of American models of socio-economic and political structure on the world. It is noted that one of the most important tasks of the Americanisation of the world is not simply to subordinate the world to its influence and spread its civilisational principles, but to use the wealth of the conquered territories in its own interests. After the collapse of the USSR, the policy of global hegemony of the USA is reduced to the desire of America to be a leader. At the same time, all attempts to improve intra-American life, to create new meanings that determine the behaviour of ordinary Americans, have not yet brought success. The USA demonstrates an inability to carry out the dominant mission of leadership. A whole series of new efforts must be made to strengthen the American role and the Western community in the world. It is emphasised that a new confrontation has emerged between the pan-Atlanticists, who constitute a minority of states, and the world majority. It is suggested that the accelerated development of China at the end of the 20th century has alarmed the USA. At the beginning of the 21st century, criticism began to be directed against Russia. Western strategists insist that Russia's desire to protect its sovereignty should not be underestimated. At the same time, nothing so far indicates a change in the USA course, which is destructive for the entire world.

Keywords: unipolar world; Westernisation; Americanisation; geopolitics; world hegemony of the USA.

В XXI в. мир вступил в лихорадочных попытках Запада создать глобальную систему влияния на мир. Первые шаги в надежде на свершение этой программы капиталистические страны предприняли уже после распада СССР, когда постсоветское пространство было охвачено хаосом. В конце XX в. – начале XXI в., осуществив мощный рывок модернизации, набрал силу Китай. В стремлении отработать сценарии нового воздействия на мир ведущие стратеги Запада упустили момент, когда можно было помешать китайской динамике. Такая геостратегическая цель впервые была выражена устами Д. Трампа во время президентских выборов в 2016 г. До этого борьба моделей либерально-демократического и государственно-социалистического устройства велась во всемирном историческом масштабе. С распадом в 1991 г. СССР, государства социалистической модели, вестернизация стала устойчивым трендом строительства глобального мира, в котором принципы финансово-экономической взаимозависимости определялись наиболее экономически и политически сильными игроками.

Ведущим содержанием вестернизации стала американизация – навязывание американских образцов социально-экономического и политического устройства остальной части мира. Некоторые западные исследователи называли XX и XXI вв. пан-американскими веками. Другие эксперты говорили об американизации мира как о довлеющей цели глобального развития. В этом смысле обращает на себя внимание книга английского исследователя У. Т. Стенда «Американизация мира» [1, р. 1]. Суть мировых

трендов, которые анализировал автор, заключалась в том, чтобы обеспечить господствующее положение англосаксонской матрицы мироустройства как гарантии равновесного развития. Далеко не случайным кажется то, что автором данной идеи являлся англичанин, ведь до сих пор англичане, несмотря на кризис и выход из системы государств, управляющих мировыми процессами, продолжают считать свою страну прародиной демократии, либерального социального порядка и полагают возможным если не диктовать миру свои условия, то по крайней мере давать ему советы.

Модель англосаксонского международного поведения, которая была унаследована США после Второй мировой войны, в конце XX в. обогатилась новой иерархией трендов и ценностей. Проникая в отдаленные уголки мироустройства и вытесняя оттуда старых европейских колонизаторов, Америка навязывала народам демократизацию по собственному образцу. В условиях колоссальной исторической неподготовленности политических сил в освободившихся странах демократизация, как правило, ввергала их в хаос. Этим хаосом пользовались транснациональные корпорации, прибирая к рукам чужие национальные богатства, беспощадно выкачивая человеческий и материальный ресурсы этих стран, не давая им освободиться из мощной долговой удавки и угрожая военным подавлением в случае всякого сопротивления.

Нынешний век начался с попытки глобальной реализации англосаксонской модели на основе ее якобы добровольного принятия. Ведущей силой этого

тренда стали политические, экономические и военные структуры США. Одновременно Великобритания, опираясь на остатки своего бывшего колониального могущества, старалась содействовать этим процессам, непременно заботясь о том, чтобы быть нужной Америке на самых важных этапах вершения исторических судеб мира. Понятие «очевидная судьба», сформулированное еще первыми переселенцами на атлантических берегах Северной Америки в 1607 г., превратилось в основную формулировку геополитической апологетики англосаксонского воздействия на мир. Цель ясна и неизменна – подчинить все социально-экономические, политические процессы в мире целеполаганию США [1, p. 2].

Наблюдая ситуацию накануне Первой мировой войны (а в начале XX в. симптомы этой глобальной бойни были очевидными), У. Т. Стед писал: «...фраза “американизация мира”, безусловно, вызывает негодование в Великобритании. Ее даже рассматривают как афронт Англии. На самом деле судьба мира заключается в англизации. Многие спешат увидеть в этом процессе антипатриотические тенденции и выступают против тех авторов, которые указывают на эту тенденцию как на ведущую тенденцию XX в.»¹ [1, p. 3]. При этом публицист успокаивал соотечественников-англичан, приводя ряд аргументов. Создание США как отдельного государства являлось столь выдающимся достижением, что англичане могут гордиться тем, что они были его главными инициаторами. И этот факт искупает их многочисленные грехи в истории. У. Т. Стед уверен: «Американцы должны дать миру то, что англичане наследовали сами от себя» [1, с. 4]. Фраза «сами от себя» означает признание того, что почти все факторы, которые сегодня определяют духовную жизнь США, – общественно-политические ориентации, экономическая стратегия – взяты из английской истории. Устойчивость этого опыта объясняется тем, что Англия заплатила за него и государственными переворотами, и казнью королей, и социальными бунтами, и перемещением производительных сил из деревни в город, и индустриальной революцией, и многими другими процессами, которые, несмотря на все издержки, обеспечили стране в XV–VIII вв. важнейшее положение в мире.

По мнению У. Т. Стед, основы всего, что сейчас происходит в мире, так или иначе были заложены в Англии. Интеллектуальное обоснование этих процессов является достаточно интересным. Так, публицист отмечал, что, возможно, американцы должны наследовать английские приобретения подобно тому, как христианство наследовало иудаизм [1]. Далее У. Т. Стед писал: «Подобно тому, как, используя христианскую церковь, монотеизм иудеев покорил мир, теперь через американизацию английские идеалы, сформулированные в английском языке, двинулись

на покорение планеты... Соппротивление бесполезно, и людям не надо открывать истинные причины этого процесса... Также бесполезно напоминать человечеству о том, что люди с торгового судна “Мейфлауэр” были англичанами, как сегодня бесполезно говорить антисемитам, что Христос и его апостолы были евреями» [1, p. 28]. Будучи истинным апологетом бывшего английского величия, публицист приходил к однозначному выводу: «Американизация мира является фактически англизацией, свершаемой в одном большом порыве» [1, p. 28].

Если бы столь категоричное заявление было сделано в XX в., оно бы вызвало безусловное противостояние со стороны многих исследователей, общественных деятелей и политиков. Однако в начале XX в. Англия была одной из ведущих мировых держав. Все то, что говорилось о торжестве англосаксонского духа, предпринимательства и необходимости подчинения ему, воспринималось всерьез. Одни трактовали данное видение как угрозу их собственному господству, другие – как возможность достичь определенных успехов путем союзничества с более сильными мировыми игроками.

Одной из важнейших задач американизации мира У. Т. Стед считал создание условий для распространения английского языка как основного средства коммуникации в политике, торговле и культуре во всем мире. В значительной степени сегодня так и происходит [1, p. 146].

Автор довольно подробно отрабатывал систему мер, основополагающей среди которых называл создание новой англо-американской конституции, которая стала бы законом для всех государств. По иронии судьбы сегодня изучение Устава ООН (в частности, ряда общетеоретических заявлений о правах человека, праве наций на самоопределение, праве угнетенных сражаться за свое освобождение и т. д.), правовых документов Великобритании, конституции США и ее многочисленных поправок демонстрирует явную либерально-демократическую ориентацию современной политической жизни.

Обосновывая необходимость утверждения англосаксонского тренда истории в качестве господствующего, У. Т. Стед использует многочисленные аргументы. Среди них обращает на себя внимание довод о том, что даже Солнечная система управляется одним мощным центром, вокруг которого все вращается, именно поэтому ведущая центральная держава, задающая направление развития человечества, выступает общественно-исторической необходимостью. Условием реализации этой необходимости для У. Т. Стед являлось сохранение сложившихся общественно-политических и даже колониальных институтов Великобритании и Америки: «Влияние Британии на Америку и Америки на Англию зависит от цельности ряда обстоятельств, например от

¹Здесь и далее перевод наш. – И. А.

численности образованных граждан и уровня их сплоченности. Причем эта сплоченность обязательно должна быть географической. По своей сути она является моральной, эмоциональной, интеллектуальной. Секрет силы государства заключается в добровольных ассоциациях свободных самоуправляемых граждан» [1, р. 151].

Миропорядок, понимаемый таким образом, не предполагает самоуправления государства. Наоборот, направляющее руководство должно исходить из центра, и нужно делать все для того, чтобы укрепить этот центр. Любопытно, что в числе аргументов в пользу направляющей роли Америки в утверждении миропорядка автор выделил тот факт, что Канада первой вырвалась из орбиты колониального мира Великобритании и организовала собственную республику, которая не имела аналогов в мировом пространстве.

Еще одним аргументом, который автор достаточно активно использует на страницах своего исследования, является мнение о том, что лишь фактом своего освоения север Америки стал маяком для сотен тысяч людей по всему миру. В последние 50 лет сюда не прекращается поток эмигрантов, в основном из наиболее энергичных и предприимчивых групп населения старого мира. США заняли место Великобритании в качестве естественного поселения политических беженцев.

Безусловно, публицист лукавит, утверждая, что Англия тоже когда-то была приютом для мигрантов всего мира. Такого не было никогда. Англия умело использовала колонии для привлечения на свои земли наиболее нужных ей категорий населения, используя их в основном как рабочую силу для выполнения ряда производственно-экономических функций.

Величайшим достижением Америки автор называет «перемалывание людей всех национальностей» в один доминантный американский тип путем «объединения самых различных тенденций иностранного материала в одну “униформную” структуру американской цивилизации» [1, р. 152]. Этот банальный пропагандистский аргумент, формирующий единый антропологический стереотип о современном американце, опровергается многочисленными исследователями американской действительности. Из них следует, что многообразная мультикультурная среда Америки – реальность и она нуждается в ином управлении. Необходимо создать новые социальные лифты. Кроме того, в этих исследованиях отмечается, что многовековые иммиграционные процессы не обеспечили антропологическое социально-культурное и всеобщее единство США.

Уже в начале XX в. А. М. Шлезингер предвидел, что противниками американизации или даже нарушителями стабильного процесса подчинения мира англосаксонским императивам будут являться Ки-

тай и Россия. Еще до появления формулы В. Вильсона (задача США – сделать мир пригодным для демократии), которая вошла в конфликт с концепцией мировой революции В. И. Ленина, американский исследователь видел как минимум трудность интеграции России в англосаксонские программы развития. Он был убежден, что даже среди тех, кто придерживался его точки зрения, были те, кто полагал, что в ходе англо-американской трансформации мира стычка с Россией неизбежна [2, р. 29–30].

Рассматривая возможность воздействия на Китай, который долгое время существовал в сложных условиях (ликвидация монархии и гражданская война), А. М. Шлезингер высказывал опасения, которые, на удивление, достаточно хорошо коррелировались с расистскими взглядами Т. Рузвельта (на тот момент американского президента) о необходимости крепко закрыть двери США, исключив возможность появления и роста «китайского элемента» [2, р. 206].

Если говорить о государственном строительстве в бывших колониях, то А. М. Шлезингер был убежден в необходимости вмешательства англосаксонских политических структур в азиатское пространство с целью его подчинения [2, р. 207–208]. Данный вопрос касается, по мнению автора, и Южной Америки. Африка ускользала от внимания ученого только потому, что большая ее часть уже перед Первой мировой войной была колонизирована английскими властями. И хотя значительная африканская территория была покорена другими империалистическими державами, владения Англии были настолько обширны, что аппетиты ее дальнейшего расширения были осторожными, так как любое дальнейшее усиление присутствия Англии в Африке вызвало бы неизбежные стычки с другими европейскими государствами-колонизаторами.

Как и европейские путешественники XV–XVI вв., А. М. Шлезингер оправдывающими аргументами американизации называл жадность и религию: «Как только испанские и генуэзские путешественники открыли существование мира за пределами своих границ, римская церковь поспешила использовать это открытие для отправки туда миссионеров с крестом, которым был обеспечен свободный проход на корабли путешественников и пребывание на них с той целью, чтобы, вступив на новую землю, подчинить ее своей эксплуатации» [2, р. 313–314].

Сомнений в целеустремленности англоизации и американизации мира у автора не возникало. Задача капиталистических государств состояла не в том, чтобы просто подчинить мир своему влиянию и повсеместно распространить свои цивилизационные начала, а в том, чтобы использовать богатства покоряемых территорий в своих интересах.

Когда Америка стала всерьез реализовывать свои имперские планы после Второй мировой войны и оказалась главным и в основном беспрекословным

лидером западного мира, откровенные заявления о корыстных устремлениях американских бизнесменов, политиков и миссионеров были заменены на более мягкую формулу продвижения демократии и защиты прав человека. Глубоких объяснений по поводу того, почему именно Америка взяла на себя защиту прав человека, не нашлось ни в одном из американских социологических исследований и идеологических доктрин.

Имперское право Америки насаждать демократию основывалось на убеждении американцев в том, что данная политическая система обрела идеальные и единственно возможные формы именно в США. Никто в западном мире не смог противостоять этой идее или оспорить ее, поэтому она стала главным оправданием американской экспансии в мире во второй половине XX в.

Общественность Запада, особенно ведущих европейских держав, и их лидеры, владеющие огромными колониальными территориями и, соответственно, опытом покорения мира, не спешили согласиться с указанными установками, тем более что объединение западного сообщества происходило достаточно противоречиво. Относительно устойчивого единства западные государства достигли уже после Второй мировой войны. Посредством мощного финансового вливания в виде Плана Маршалла США подчинили себе экономические процессы Западной Европы, используя эту базу для распространения политического влияния и создания государственных моделей, которые были совместимы с американскими геополитическими устремлениями. Указывая на необходимость противостоять мировому коммунизму, США создали мощный военный блок НАТО. Данный блок, с одной стороны, готовился нанести удар мировому коммунизму, в первую очередь СССР, а с другой стороны, держал в прочной военной упряжке ведущие государства западного мира. Альянс был образован якобы для обеспечения безопасности панатлантистов (так указано в уставе организации). Сегодня НАТО – агрессивный геополитический блок для подавления сопротивления целям мирового господства.

После Второй мировой войны среди западноевропейских общественных деятелей сформировалось устойчивое мнение о том, что стратегия США являет собой не что иное, как стремление реализовать свои господствующие цели. В среде французских исследователей однозначно звучала тема американского империализма. Известный социолог М. Паренти под империализмом понимает «процесс, с помощью которого политико-экономические господствующие интересы одной страны экспроприируют в своих собственных интересах землю, человеческие ресурсы, ископаемые, материалы и рынки других народов» [2, р. 255].

Жертвами американского гегемонизма, который был осуществлен через экспансию американского капитала после Второй мировой войны, многие исследователи считают именно европейцев. На основе финансового вливания, которое было значительным и восстановило экономику западноевропейских государств, была разработана теория американского гегемонизма. Центральным пунктом данной теории было обязательное оказание помощи неимущим странам со стороны имущих государств. По мнению М. Паренти, стратегия господства и теория развития последней четверти XX в., сформулированные Б. Уорд и У. Ростом, предполагают, что богатые страны Севера должны помогать отстающим странам Юга подняться. И осуществляется это путем перемещения технологий и позитивного трудового опыта. Возобновленные версии имперского кокетства представляют собой лишь вариант «груза белого человека» [3]. В этом новом варианте тщательно скрывается то, что основным инструментом экспансии является экономическая, торговая и инвестиционная деятельность, которая, безусловно, подчинит развитым странам мира все основные мировые рынки.

Безопасно существовать данной структуре мировой гегемонии позволяет американская военная сила, о которой пишет М. Паренти: «Доклад Пентагона 1992 г. был назван “Ориентировка защиты планирования”. Он нацеливает США на управление системой международных отношений, отбивая охоту у индустриально развитых стран конкурировать друг с другом и оспаривать американское превосходство или хотя бы претендовать на особую международную или региональную роль» [3, р. 17]. По словам М. Паренти, «американский военный язык однозначен и категоричен», никто не имеет права обгонять Америку – «ни союзники, ни те, на кого направлены усилия гегемонистов» [3, р. 41]. В этих условиях военная сила становится первоначальным средством, необходимым для поддержания абсолютной безопасности для мирового накопления капитала. Кроме того, огромная армия сама по себе является прямым источником колоссального накопления капитала [3, р. 95].

Французские исследователи считают, что в данных обстоятельствах внешнеэкономическая и внешнеполитическая деятельность США всегда исходит из учета национальных, даже локальных нужд Америки, которые проецируются на всю мировую ситуацию как задача развития глобализации («мондиализации»). Все благостные абстрактно гуманитарные программы строительства государства благоденствия или миропорядка, основанного на правилах, предполагают на самом деле изоляцию бедных социальных групп внутри общества (в первую очередь американского), а также более слабых государств

в мировых масштабах с тем, чтобы они не препятствовали реализации целей геополитического доминирования США.

Особо мощному обновлению доктрина американской гегемонии подверглась после 2000 г., с приходом к власти президента Дж. Буша – младшего. Дело усложнила неожиданная террористическая атака на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Террористы, происходящие из верной в те времена США Саудовской Аравии, открыли для руководства Америки новые возможности аргументировать его агрессивные устремления в целях подчинения процессов глобализации своим стратегическим задачам. США обрушились на мир, в том числе с помощью ряда военных, хотя и безуспешных действий, заявляя о необходимости стабилизировать общественные отношения. На самом деле они использовали новый кризис, чтобы обеспечить свою гегемонию. Американский исследователь Дж. Ньюхаус пишет: «Воспользовавшись ситуацией, люди Дж. Буша могли и должны были направить свои усилия на стабилизацию наиболее серьезных источников нестабильности – Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Северо-Западной Азии. На Ближнем Востоке они попытались использовать свое влияние на Израиль и Палестинскую организацию освобождения, чтобы принудить их к серьезным переговорам. И хотя правительство Израиля ожидало этого действия, оно было вынуждено уступить требованию Дж. Буша и организовать Палестинское государство. Двумя днями позже премьер-министр А. Шарон предупредил Вашингтон не пытаться примирить арабов за счет израильтян... Израиль не будет Чехословакией. Администрация уступила» [3, р. 97].

Так было всегда. При всех попытках серьезно урегулировать проблемы противостояния палестинцев и Израиля, США рано или поздно уступали Израилю. С еще большим рвением они вмешивались в дела других стран, стремясь подчинить их своим геостратегическим целям и прибегая к военным средствам. В начале XXI в. после террористического удара по Всемирному торговому центру в Нью-Йорке Америка предприняла военные действия против Ирака, Ирана, Афганистана, Сирии. Все операции окончились поражением. Тем не менее намерения мирового гегемонизма были очевидны для всей остальной части мира. Никто среди союзников и противников США не сомневался в том, что от своей цели они отступать не собираются.

По сути, американское руководство никогда не давало своим союзникам права усомниться в своей стратегии. Дж. Ньюхаус пишет: «Растущий хор критиков внутри Европы и за ее пределами воссоздал направление американской политики, не опасаясь того, что союзники расценят его шаги как односторонность и безразличие к интересам других. Описывая Иран, Ирак и Северную Корею как ось зла, Дж. Буш

занял позицию, которая радикально отличалась от позиции американских союзников, включая Великобританию» [4, р. 3]. Осознание этого факта было предельно неприятным для союзников США, так как стало совершенно очевидно, что главное устремление политиков Великобритании мотивировано только их интересами. Союзникам осталось лишь подчиниться. У них, разумеется, были и собственные интересы. Однако Америка не готова была обсуждать их в качестве легитимных или делать какие-то уступки требованиям союзников.

Весьма любопытным образом Дж. Ньюхаус характеризует позицию Дж. Буша – младшего: «Он принес в политику систему очень жестких мнений, основанных на собственном понимании моральной ясности и требований. Однако он не смог принести то, чем должен обладать начинающий главнокомандующий, – интереса познать то, чего не знает он» [4, р. 42].

Сегодня трудно признать, что американский президент мог не знать интересы своих союзников. Огромная команда аналитиков достаточно подробно информировала его об интересах и противников, и союзников. Однако избранная президентом империалистическая линия просто не предусматривала возможности консультаций с союзниками и исходила только из необходимости их использования для решения сугубо американских задач доминирования. В этом контексте главная задача после террористической атаки на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке заключалась в том, чтобы продемонстрировать всему миру, что США являются по-прежнему могущественной державой, способной подчинить своей воле всех.

Команда президента Дж. Буша – младшего не скрывала, что, несмотря на распад СССР, довольно важной стратегической необходимостью было налаживание отношений с Россией. Декада, отделяющая распад Советского Союза и события 11 сентября 2001 г., послужила разделяющей линией. История повернула в новом направлении, которое ярче всего проявлялось в отношениях между Америкой и Россией. Казалось, что вместе они смогут оказывать решающее влияние на организацию глобальной безопасности и, возможно, глобальной стабильности на будущие годы [4, р. 43]. Как тогда казалось многим в процессе перестройки в СССР и распада советских государственных структур, «мантра» американских политиков состояла в том, что они видят новую Россию могучим и процветающим государством и союзником США. Однако В. В. Путин, пришедший в Кремль в 2000 г., практически одновременно с приходом президента Дж. Буша – младшего в Белый дом, трезво оценивал указанную декаду как серию ничем не оправданных уступок России американскому давлению. Последнее выразилось, в частности, в расширении НАТО на восток, невыполнении

обещаний по сокращению вооружений и по другим важным международным соглашениям. В. В. Путин открыто заявил о нацеленности России следовать своим курсом, который будет отвечать интересам национальной безопасности государства.

Для стратегов США эта идея была неприемлемой, так как они уже успели принять ряд решений, предусматривавших подчинение мира правилам Вашингтона. Таким образом, противостояние США и СССР, наблюдавшееся в течение почти полувека после Второй мировой войны, и формирование нового миропорядка обрели формы противостояния Российской Федерации и США. Главной целью Америки было не дать России возможность восстановить свой международный авторитет, основанный на росте экономического могущества и обороноспособности. Данные обстоятельства обусловили в XXI в. новую серию конфликтов и создали весьма волатильную мировую ситуацию, в которой угроза мировой войны и термоядерного столкновения стала обретать реальные контуры.

Новая жесткая политика глобального гегемонизма США вызвала поначалу достаточно активное противостояние среди союзников, которые полагали, что распад СССР создает новые геополитические условия, где каждое из европейских государств сможет что-то обрести.

Бескомпромиссный язык президента Дж. Буша – младшего и его директивные установки на необходимость отказаться от договорно-правовой системы, созданной после Второй мировой войны, сигнализировали союзникам о новом уровне подчинения, при котором национальный интерес США становится ведущим принципом всемирно-исторической гегемонии Запада. Союзники обрушились на Америку с критикой. В этом контексте обращает на себя внимание книга Дж. Кейглера «Империя стыда», в которой говорится о том, что подобный гегемонизм, вызывая протест среди американских союзников США, закончится тем, что они будут вынуждены отказаться от следования геостратегическим целям Америки и наметят свою линию международных отношений. Кроме того, автор убежден, что необходимо избежать рефеодализации мира, предполагающей разделение государств на господ и вассалов, и что соблюдение прав человека является достаточно привлекательной, но нереальной лозунговой программой. Однако задача завоевания рынков для США остается актуальной, а решить ее можно только в условиях гегемонизма. Обличительная риторика была сильной, охватывала достаточно широкие круги либеральной интеллигенции в капиталистических странах, и США предстояло принять целый ряд мер, которые приглушили бы эту риторику. Отказываться от поставленных целей они не намерены [4, p. 44].

Критика американской внешней политики вызвала определенный резонанс в Вашингтоне, однако

серьезного влияния на коррекцию геополитического поведения не имела. В среде либеральной интеллигенции западных стран критика американского гегемонизма стала довольно модной, но коррекции системы принятия решений Америки или стратегии ее поведения не произошло. Другое дело, что ряд влиятельных американских интеллектуалов решили разъяснить историческую необходимость новой роли Америки. Г. Киссинджер писал: «На заре нового тысячелетия США обладают преимуществом, которое не снилось величайшим империям прошлого, от совершенства оружия до предпринимательской активности, от науки до технологий, от высшего образования до популярной культуры. Америка оказывает уникальное влияние на весь земной шар» [5, p. 239–309]. Г. Киссинджер любил немного остужать порывы американского руководства, явно желая обратить на себя внимание, хотя президенты республиканской партии после Р. Никсона и Дж. Форда регулярно отвергали его предложения. Он напоминал им, что нынешнее превосходство США реализовано не столько благодаря постановке удачных стратегических целей, сколько благодаря серии случайных обстоятельств, среди которых, безусловно, ведущую роль занимает распад Советского Союза. Также Г. Киссинджер указывал американским лидерам на то, что нужно умерить амбиции и не стоит выставлять свои внешнеполитические доктрины, подменяя теорию действиями.

Дипломат пишет, что идеалом В. Вильсона была основанность на общей преданности демократическим институтам и стратегии решения конфликтов путем переговоров, а не войн. Данная стратегия полностью оправдала себя в Северной Атлантике, власти которой сегодня называют себя демократическими и используют форму демократии, которая предполагает по-настоящему плюралистические формы правления в государстве с регулярным и мирным обменом партий у власти. Названные условия находятся в контрасте с остальной частью мира, где очень часто идеалы применяются для того, чтобы оправдывать тех, кто находится у власти и вмешивается в дела других государств путем переворотов [6, p. 20]. Таким образом Г. Киссинджер хотел заложить понимание того, что далеко не все страны в мире могут принимать установки США в качестве не подлежащих сомнению. Он явно гордился тем, что война в качестве средства решения проблем исчезла в Атлантическом сообществе. Но американское доминирование не должно простирается дальше влияния чего-то похожего на мировое равновесие.

По убеждению Г. Киссинджера, мировое равновесие предполагает мирное разрешение конфликтов, но господствующей при этом остается «американская традиция, в основе которой лежат демократия, регулярное избрание лидеров, стремление к миру и безопасности» [6, p. 43]. При этом Г. Киссинджер не исключает возможности применения силы для реали-

зации ценностей американской традиции и внешне-политической стратегии, которая ведет к мировому равновесию. Тезис о том, что некоторые универсальные принципы должны быть внедрены силовыми методами, с помощью объединенных наций или группы государств, является оправданным по той причине, что такие международные конвенции, как осуждение геноцида, пыток или военных преступлений, по природе своей должны быть наделены силой национальными судами, которые все чаще требуют права экстрадиции подозреваемых в нарушении их собственной юрисдикции [6].

Идеалом Г. Киссинджера является создание миропорядка, подобного тому, который был установлен после заключения знаменитого Вестфальского мира. Тогда была отвергнута власть Священной Римской империи. И хотя последовало столетие войн, подписанты Вестфальского мира, закрепившие правило «кому принадлежит власть, в руках того и религия», утвердили принцип невмешательства во внутренние дела государств. И данный принцип надо священно соблюдать, иначе неминуемы война и мировые конфликты, к которым человечество в настоящее время плохо приспособлено. При этом интересно отметить, что Г. Киссинджер указывает на то, что Америка в определенной мере рискует, взяв на себя роль лидера, ведь это неизбежно вызовет соприкосновение и даже противостояние с ценностями старого мира. В окружении президента Дж. Буша – младшего под старым миром подразумевалась в основном старая Европа – группа «бывалых» колониальных государств, которые все еще демонстрировали определенную самостоятельность в политике. Им противостояли легко управляемые государства Восточной Европы типа Польши и Прибалтики, которые после распада СССР стали верными проводниками американской идеологии и стратегии, послушными исполнителями внешнеполитических директив.

Г. Киссинджер предостерегает Америку от чрезмерного тщеславия: «Американцы и раньше рассматривали, и сейчас рассматривают свою нацию как мотивированную более высокими принципами, чем нации старого мира. Сначала это было противостояние явно эгоистическим целям монархов. По контрасту с ними американская республика позиционировала себя как держава, действующая в соответствии с идеалами просвещенного рационализма и выступавшая в качестве моделей для менее удачливых народов, которые жили под менее благосклонным правлением. Действия Америки по самой своей природе никогда не могут быть только эгоистическими. Америка представляет собой универсальную цель. Дж. Мэдисон в 1804 г. сказал, что США обязаны миру и самим себе стать примером правительства, которое по крайней мере будет протестным против всякой преобладающей в мире коррупции [6].

Мировой гегемонизм, как стратегия подчинения мира геополитическим образцам, отработанным в США, представляет собой общенациональный консенсус современной Америки. Одни объясняют эти претензии историческим прошлым, способностью Америки осваивать сопротивляющиеся природные и социальные пространства, другие – демократической традицией. Но все сходится в том, что в современном мире Америка должна быть лидером.

После берлинского кризиса 1950-х гг. историк Б. Штейль, явно впечатленный мощным противостоянием СССР американским стратегическим эксцессам в Берлине, писал: «Америка идет по миру как колосс: ни одна другая сила в мире в мировой истории не обладала столь различным или столь большим влиянием на другие нации. Сегодня является аксиомой то, что система решений правительства США обладает колоссальным влиянием на жизни самых отдаленных народов» [7, р. 304].

Надо сказать, что в Америке не так уж мало общественных государственных деятелей, которые более объективно анализировали функционирование национальных структур производства и власти, понимая, что обладание мировым лидерством требует серьезных изменений в основах существования общества. Особого внимания в этом отношении заслуживает исследование Д. Экблаха, который полагает, что условием наличия у Америки роли мирового лидерства может быть только полная модернизация ее структур [7, р. 305].

Главная идея Д. Экблаха состоит в том, что Америка восприняла свою мировую роль как неизбежность после Первой мировой войны, когда большинство европейских государств уже не могли претендовать на самостоятельное лидерство, а выдвижение Советского Союза в качестве одной из ведущих мировых держав представляло явную угрозу миропорядку. После Второй мировой войны Америка, преодолев противостояние коммунизму в ходе корейской, а затем вьетнамской войны и удачно выйдя из конфронтации во время Карибского кризиса 1962 г., стала ощущать свою мировую миссию уже не как возможность, а как необходимость, как условие выживания, как стратегическую цель подчинения всего мира противостоянию коммунизму.

Мировая миссия США подвергается и будет подвергаться воздействию противоборствующих сил. Холодная война окончилась победой Америки, но борьба с терроризмом, выход России на мировую арену, сопротивление ряда государств Ближнего Востока и Азии американскому гегемонизму потребовали новой мобилизации [8, р. 14–40, 153–192].

К идее приведения в порядок внутренней ситуации в Америке политическое руководство США пришло в ходе перестройки СССР. В динамике реформирования социально-политических условий Советского Союза стратеги США видели опасность

подобного распада Америки. Американская стратегия была срочно подвергнута пересмотру. Инициатива в данном вопросе принадлежала республиканской партии, в частности группе ее ведущих деятелей, во главе которых стоял Н. Дзиньджрич. Данная группа создала свою программу обновления под названием «Контракт с Америкой». Программа содержала красивые лозунги и была нацелена на борьбу с преступностью внутри страны, осуществление социальных реформ, в первую очередь в сфере пенсионного обеспечения, укрепление семьи и т. д. Характеризуя эту программу, популярный исследователь Д. Экблах назвал ее попыткой создания новой цивилизации США [8, p. 17].

К сожалению, большинство пунктов выглядели лишь как предвыборные обещания. В целях привлечения внимания в программе упоминались наиболее злободневные темы: борьба с преступностью, оживление деловой активности, социальное обеспечение, помощь неимущим. В таких случаях дальше демонстрации озабоченности, как правило, дело не идет, потому что попытки реализации указанных пунктов натываются на бюджетные ассигнования Конгресса США, где прочно закрепились глубоко эшелонированные группы консерваторов. Они считают, что все, происходящее в Америке сегодня, делается наилучшим образом, и нынешняя Америка – образец подражания для всего мира, так как главным ее аргументом выступает сеть мощных вооруженных сил.

США демонстрируют динамику непрерывного ухудшения отношений между расами. Звонкие тезисы «плавильный тигль», «мультикультурализм» или появление новой сугубо американской расы теряют свою привлекательность, сталкиваясь с неумолимой реальностью. Вследствие любая попытка объединения противостоящих друг другу социальных и расовых групп натывается на консерватизм, оправдывающий любую крайность в расовом поведении, которая не позволяет культивировать прогрессивные методы в образовании или культуре и совершенствовать отношения между социальными группами. Этим благим пожеланиям противопоставляется железная установка, согласно которой Америка и так выступает примером для всех.

Известный американский автор А. М. Шлезингер утверждал, что в США энтузиасты всегда смешивают благородную ложь с реальностью. Американская история олицетворяет собой коррумпированный национализм. В течение двух столетий данная идеология является самой мощной силой в мире, причем обладает большей жизнестойкостью, чем, например, коммунизм, фашизм или даже демократия. Но национализм не представляет собой продукт спонтанного развития. Эта идеология создана интеллектуалами в интересах действующих элит, и ее всегда достаточно легко распространить в массах. Она продолжает процветать, потому что для

многих служит опорой в постоянно усложняющихся условиях [9–11].

Национализм, по убеждению А. М. Шлезингера, задерживает развитие индивидуальности и усиливает взаимное расовое неприятие. Автор отмечает, что низкое самоуважение – слишком глубокая болезнь, которую можно излечить только в том случае, если говорить друг другу приятные вещи об этническом прошлом. История не может быть успешной там, где ничего не удастся сделать психиатрии. Афроцентризм является попыткой избежать вызовов нашего общества. Потребность преодолеть расизм по-прежнему остается актуальной в американском обществе [12, p. 105–125].

Вывод, который делает А. М. Шлезингер, заключается в том, что все попытки оздоровления внутриамериканской жизни и создания новых смыслов, определяющих поведение рядовых американцев во всем многообразии социально-групповых связей и отношений, пока не принесли успеха.

В данном контексте напрашивается другой вывод – вывод о неспособности Америки осуществить господствующую миссию лидерства. Для укрепления как американской роли, так и роли всего западного сообщества необходимо предпринять целый ряд усилий. Однако эти цели должны быть более мирными, чем военно-агрессивное воздействие на своих соседей, врагов и даже на союзников.

В наше время противостояние либерально-демократической и государственно-социалистической моделей государственного устройства продолжает определять характер взаимоотношений между державами. СССР, как носитель трендов мирового развития, исчез, но множество государств продолжают идти по социалистическому пути. Противостояние социализма и капитализма продолжается. На всех его этапах Запад старался консолидировать свои силы, привлечь союзников для того, чтобы либерально-демократическая модель мироустройства восторжествовала над государственно-социалистической. Общим трендом мировой истории XIX–XX вв. была устойчивая борьба капитализма с коммунизмом. В XXI в. это противостояние приобрело более завуалированные формы. Противоборство общественных систем рассматривается через призму частного предпринимательства и частной собственности на средства производства.

Каждый раз, когда у Запада была возможность привлечь союзников для противостояния государственно-социалистической модели, американские лидеры не упускали случая этим воспользоваться. Вспоминается особенно вопиющий эпизод, когда США получали от стран, победивших в Первой мировой войне средства в качестве процентов по кредитам и направляли их Германии на восстановление экономики, что в конечном итоге привело к распространению фашизма. Обрести политическую силу

и влияние в Германии фашизму удалось потому, что он заявлял о необходимости борьбы с коммунизмом (государственно-социалистической моделью развития) и отвоёвывания пространства на востоке. Западные страны совершили геостратегическую ошибку, неправильно истолковав намерения А. Гитлера как возможность его же руками подавить движение за социальное освобождение в мире [12, р. 106].

Даже краткий перечень этих связей говорит о том, что США, постепенно привыкая к роли инициатора международных проектов по окончании Первой мировой войны, проводили интенсивные переговоры с властями Германии. Решением Конгресса США от 9 ноября 1917 г. Америка добровольно взяла на себя миссию противостояния антибольшевистским силам. Таким образом, сразу после Великой Октябрьской социалистической революции в России большевики в США оказались вне закона [13, с. 16–95].

Потерпевшая поражение Германия, особенно ее военно-юнкерские круги и бизнес-элиты, были весьма впечатлены вступлением Америки в войну против стран оси Берлин – Рим, о чем было заявлено в решении Конгресса США в апреле 1917 г. Это событие ускорило исход. Однако сразу после установления перемирия один из видных общественных деятелей послевоенной Германии Дж. Б. Гервард писал, что с Америкой была связана первая ближайшая надежда Германии на беспристрастное влияние в условиях мира на поставки продовольствия и возможную финансовую помощь в торговле [13, с. 108–109]. В контексте этих немецких надежд американская строго секретная исследовательская группа «Енкьюири» (Enquiry) 22 декабря 1917 г. издала меморандум «Современное положение: цели войны и условия мира». В нем однозначно заявлялось следующее: «В настоящее время направлением наиболее легкого продвижения Германии должен быть восток. Данный момент является наилучшим временем для Германии, чтобы воспользоваться открывшимися здесь для нее возможностями. Это вполне может побудить ее решиться на жертвы на юго-востоке, на западе, на других континентах и на отдаленных морях с тем, чтобы обеспечить контроль над Россией» [13, с. 107].

Введение этих документов в научный оборот в современных условиях обретает особую обличительную силу, так как свидетельствует о сговоре Вашингтона и Берлина, ориентированного на Восточную Европу, т. е. на Россию, в целях эксплуатации ее ресурсов и восстановления Германии. Именно этот сговор дал немецкому фашизму возможность консолидировать власть. То, что А. Гитлер обратил свои аппетиты потом еще и на Запад, было неприятным сюрпризом для его спонсоров.

Дж. Б. Гервард является автором еще одной работы, названной «К современному положению», где он однозначно предлагает США сотрудничать с Германией в целях более активного продвижения на

восток. При этом разговор шел не только о российских просторах, но и обо всей Евразии. В докладе Дж. Б. Герварда было отмечено, что империализм Америки на первое время нашел бы достаточную «пищу» на собственном континенте. США были бы великой морской державой, которая при таком разделе мира (в документе говорилось о возможном разделе мира на три части) имела бы в Европе и Азии могущественных союзников и в то же время стала бы сильным союзником центральноевропейского, русского континентального блока.

Судя по серии конфиденциальных встреч, которые проводились между руководящими деятелями Германии и США в 1918–1919 гг., США довольно явно демонстрировали свою заинтересованность в такой комбинации геостратегических усилий. Поэтому сегодня можно с полным основанием утверждать, что знаменитый «Дранг нах Остен!» (Drang nach Osten!), с помощью которого А. Гитлер усыпил бдительность политических кругов Запада, разбудил алчность финансово-предпринимательских сил Запада и привлек их внимание к авантюрам на востоке. Безусловно, спонсоры не ожидали, что в ходе Второй мировой войны А. Гитлер отделается от них с маниакальной решительностью. Ноябрьская революция 1918 г. в Германии вызвала панику в военномилитаристских юнкерских кругах США и подтолкнула их к еще более активному поиску контактов с правыми силами этой страны.

Документы немецких аналитиков, опубликованные позже, свидетельствуют о том, что в этот период в руководящих кругах побежденной Германии старательно проводилась грань между победителями в этой войне – державами Антанты и США. Америка внимательно изучала немецкие инициативы. Накануне Парижской мирной конференции, 26 января 1919 г., состоялась поездка видных общественных деятелей США в Германию. Цель визита состояла в том, чтобы изучить позиции Германии и по возможности не дать державам Антанты предпринять по отношению к Германии меры, которые бы окончательно разрушили ее экономику. По результатам поездки США начали тайно поставлять Германии нефть, медь и хлопок, а также предоставлять ей крупные финансовые займы, которые в значительной степени помогли стране пережить сложные годы после Первой мировой войны.

Стратегия США по мобилизации союзников из бывших врагов продолжалась на всем протяжении XX в. Особенно очевидной она была после Второй мировой войны, когда, как уже отмечалось, США в целях создания единого фронта против СССР под лозунгом борьбы с коммунизмом предприняли энергичные усилия по восстановлению экономики побежденных Германии и Японии, стремясь превратить их в своих покорных союзников. Полученное таким образом благополучие в этих странах имело

дорогую цену. После Второй мировой войны Германия и Япония фактически вышли из системы международных отношений, не предложив миру ни одной внешнеполитической и дипломатической инициативы. Они верно следовали курсу США, повторяя их политические установки и направляя свою аргументацию на противостояние СССР как источнику коммунистической опасности для всего мира. В ходе биполярного противостояния эта борьба носила жесткий и бескомпромиссный характер. Прямому столкновению помешали соглашения, в том числе заключенные между союзниками по антигитлеровской коалиции (СССР, США, Великобритания) в Ялте в феврале и в Потсдаме в сентябре 1945 г.

Ситуация изменилась с началом перестройки в СССР. Поначалу на Западе не придали ей большого значения. США услышали лозунги М. С. Горбачёва о том, что перестройка предполагает больше демократии и больше социализма. Сама возможность обновления социально-экономической системы Советского Союза с повышением ее производительности уже представляла собой угрозу глобальным геополитическим интересам США. Поэтому президент Р. Рейган объявил СССР империей зла и начал жесткую политику ее сдерживания. Правда, когда перестроечные процессы в Советском Союзе начали буксовать и серьезные реформы были заменены непрерывной риторикой М. С. Горбачёва, американский президент пошел на контакт. К нему присоединились и европейские лидеры (Г. Коль, Ф. Миттеран, М. Тэтчер и др.). Общее снисходительное отношение к М. С. Горбачёву и его риторике в Вашингтоне сменилось паузой, которую взял вновь избранный президент Дж. Буш – старший для оценки результатов российско-американских отношений.

В декабре 1988 г. сразу после президентских выборов в США Р. Рейган в последний раз встретился с М. С. Горбачёвым. Дж. Буш – старший согласился присутствовать, однако отказался высказывать свое мнение по вопросам международной политики. Такой подход насторожил М. С. Горбачёва. В его окружении стали нервничать. Молчание США в значительной степени подрывало авторитет М. С. Горбачёва. За это время он успел создать в своем окружении впечатление человека, который может серьезным образом повлиять на американскую политику в мире в целом и в отношении Советского Союза в частности.

Мощнейшее землетрясение, случившееся в Армении в конце 1988 г., против ожидания, не вызвало сочувствия и особого внимания у США. Никто не спешил помочь армянам. Вновь избранный президент Дж. Буш – старший ограничился тем, что отправил своего сына Джеба в Армению для оценки масштабов катастрофы. Тот совершил подчеркнуто частный визит и избежал общения с руководителями Совет-

ского Союза. Все указывало на то, что президент Дж. Буш – старший решил серьезным образом затормозить советско-американские отношения и, как выражались его ближайшие советники М. Бешлосс и С. Тэлбот, «вывел их на край дороги, проявив при этом свою инстинктивную сдержанность и решил все тщательно продумать от начала до конца» [13, с. 109]. Пауза касалась только непосредственных контактов вновь избранного президента и советского лидера. На самом же деле в центре принятия решений в США проводилась интенсивная аналитическая работа по оценке ситуации в Советском Союзе и необходимости Америки уточнить ряд аспектов советско-американских отношений.

Длительным аналитическим запискам Дж. Буш – старший предпочитал устные беседы по анализу ситуации, но ЦРУ и другие государственные учреждения США представили ему ряд стратегических оценок по положению в Советском Союзе. Перед Америкой стояла задача поддержать начатые М. С. Горбачёвым реформы таким образом, чтобы сделать их необратимыми для Советского Союза. При этом американская политика не должна была претерпеть никаких изменений [14, р. 11–74]. Президенту настойчиво напоминали о том, что если реформы будут успешными, то Советский Союз станет конкурентоспособной сверхдержавой, а стремление М. С. Горбачёва избежать конфронтационных международных отношений является обоюдоострым мечом, который может серьезным образом нарушить единство в западном панатлантическом союзе [14, р. 44].

Сегодня трудно сказать, получали ли эту информацию секретные службы Советского Союза. В Кремле, в ЦК КПСС, в кабинетах ведущих государственных деятелей СССР продолжало царить приятное для всех убеждение, что США сдвинулись в своих отношениях с Советским государством с жесткого противостояния на дружественный уровень. В США думали иначе. В одном из докладов Дж. Бушу – старшему говорилось о том, что перестройка отвечает американским интересам и что М. С. Горбачёв дает возможность влиять на Советский Союз и его политику в объемах, которые даже невозможно было представить восемь лет назад. В связи с этим был сделан один из самых главных выводов: американская политика не должна помогать М. С. Горбачёву в реализации его замыслов, наоборот, следует направить Советский Союз на пути развития, которые будут отвечать американским интересам [14, р. 11–74].

Задача состояла только в том, чтобы институализировать советские реформы таким образом, чтобы их нельзя было отменить или обратить вспять после ухода М. С. Горбачёва [14, р. 11–74]. Во всяком случае следовало сделать все для избежания сценария, который американцы называли эпохой обледенения, имея в виду двухполярное противостояние в ходе

холодной войны. Данные установки стали постоянной темой бесчисленных политических записок, которые направлялись Дж. Бушу – старшему в ходе перестройки в СССР. Госсекретарь Дж. Бейкер говорил, что эти установки составили суть программы содействия перестройке. Но при этом поставленные Советским Союзом цели обновления свершены не будут, а демократические процессы вызовут эрозию политических структур, социальные протесты и противостояние, причиной которых станут увеличивающиеся экономические трудности как прямой результат перестроечных реформ, и явно укажут на ближайшую смену власти в Советском Союзе. Об этом Дж. Бейкер откровенно говорил в своей мемуарной книге «Политика дипломатии» [14, р. 11–74].

Примечательно, что воспоминания американского госсекретаря пронизаны пренебрежением и к его советскому коллеге Э. А. Шеварднадзе, и к М. С. Горбачёву. Весь текст отличается самодовольством автора, бахвальством о том, как удачно ему удавалось вынуждать советских лидеров идти по пути, предложенному США. Если судить по воспоминаниям Дж. Бейкера и другим источникам этого периода, Америка ни разу не уклонилась от цели по сдерживанию Советского Союза и приданию перестроечным процессам, к тому времени уже явно разрушительным, непоправимый характер.

В мемуарах и других публикациях Дж. Бейкер даже хвастливо говорит о том, что это ему принадлежала идея нерасширения НАТО в случае согласия СССР на воссоединение Германии. Однако данная идея была отвергнута Дж. Бушем – старшим, произнесшим исторически значимую фразу: «Мы не дадим советским руководителям возможность вырвать победу из “челюстей поражения”» [15, р. 61–64, 153–157, 396–456]. В связи с этим и по ряду других причин, в основном мотивированных политической борьбой за власть между М. С. Горбачёвым и Б. Н. Ельциным, нарушавшим все возможные этические и политические нормы, в СССР стали происходить необратимые процессы, приведшие к развалу страны.

После подписания Беловежского соглашения (сговора) Дж. Буш – старший провозгласил будущей американской политикой США становление нового мирового порядка, в котором США сыграют роль лидера. Из обтекаемости формулировок было ясно, что роль лидера означает роль мирового гегемона. Для реализации новой американской стратегии мир должен быть построен на основе единого центра. США должны выступать инициатором практически всех международных инициатив, а страны панатлантического сообщества будут оказывать этой стратегии всемерную поддержку.

В конце XX – начале XXI в. реализация указанной стратегии стала основным направлением американской внешней политики. США стремились окон-

чательно подчинить мир своему влиянию. Однако такая глобальная стратегия стала наталкиваться на значительные препятствия со стороны мировых сил. К этому времени Россия серьезного влияния на мировую ситуацию оказать уже не могла. Однако ряд других государств в условиях распада биполярного противостояния обрели возможность реализовать свои национальные интересы и цели.

В США и Европе стали появляться исследования, в которых говорилось о том, что национальная политика великих мировых держав (были названы в первую очередь Индия, Бразилия и Китай) вызывает беспокойство. О России речь уже почти не велась [16, р. 135–295]. Огромный объем аналитической литературы, увидевшей свет в ту эпоху, еще ожидает своего изучения. И он таит в себе немало сенсационных открытий.

Основания для беспокойства у геополитических стратегов США и Западной Европы были весьма существенными. Определенное пробуждение наблюдалось и в развивающихся странах. Они начали вести речь о возможности нового глобального объединения народов и государств на иных основаниях и принципах. Логика мирового развития толкала к идее об одной глобальной цивилизации, обладающей общими признаками. Их суть состояла в том, что экономические и научно-технические модели развития производительных сил пришли преимущественно из Запада. Поскольку решающей геополитической тенденцией в этих условиях являлась вестернизация производственно-экономических процессов, постольку государствам следовало, сохраняя свою индивидуальную идентичность и независимость, стремиться к созданию новой глобальной цивилизации. Исследователь из Сингапура И. Махубани писал, что совпадение уровня доходов и моделей развития является главной экономической темой современности [17, р. 3–5]. Правда, говоря о создании новой мировой цивилизации, он подчеркивал, что для этого необходимо отказаться от войн как средства решения конфликтов, принять новые нормы международной жизни и создать новую правовую систему, которая определит логику сближения государств друг с другом на долгие времена [17, р. 13–51]. В качестве условия становления нового мирового порядка И. Махубани называл семь глобальных противоречий, которые, правда, даже не перечислил [17, р. 100–152]. Однако он обозначил, что историческое сотрудничество, необходимое для формирования такого порядка, займет предельно долгое время.

Ряд других авторов из развивающихся стран, разделяя взгляды сингапурского ученого, отмечали, что одним из наиболее очевидных результатов великого исторического движения является снижение роли Запада как лидера глобального мира [18, р. 12–74, 162–169].

В панатлантическом сообществе заметно обеспокоились по поводу обозначившегося противостояния между панатлантистами, составляющими меньшинство государств, и мировым большинством. Появился ряд публикаций о невозможности сближения Запада и Востока, о том, что после более 20 столетий войн и противостояния человечество не готово к объединению [19, р. 327–413]. Главной причиной этой неготовности было названо колоссальное несоответствие уровней развития стран Запада и Востока. В ответ из США и западноевропейских стран последовали «мантры» об особой ответственности белого человека, о задачах Запада по выведению государств всего мира из состояния нищеты, гражданских войн и взаимного недоверия. Однако эта риторика обеспокоенности не скрывала намерения стран Запада продолжить стратегию единого центра, согласно которой панатлантисты признавали за Америкой право на лидерство, но полагали, что в новом управлении миром они получали возможность улучшить свое экономическое положение за счет более интенсивной эксплуатации чужих ресурсов.

В ответ на стремление государств к жизни на новых началах из Запада стали слышны призывы к более тесному объединению стран панатлантического сообщества и к продолжению строительства единого центра мира, в котором панамериканизм является главной направляющей и подчиняющей идеей [20–22].

В числе великих государств мира, выдвигавшихся на передовую линию международных отношений, конечно, оказался Китай. США сохранили верность стратегии превращения бывших врагов в союзников за счет подчинения экономических и политических процессов своим геополитическим устремлениям и целям. Так, в 1972 г. в ходе визита президента Р. Никсона в Пекин Америка совершила исторический прорыв: Китайская Народная Республика была принята если не в число ее друзей, то в число государств, с которыми она намерена была поддерживать дружеские отношения и которым готова была помогать в модернизации и решении экономических проблем. В ходе визита Р. Никсона в Китай старый и больной Мао Цзэдун сумел убедить американского лидера в том, что Китайская Народная Республика не представляет геостратегической опасности для США и что главным противником обоих государств является Советский Союз. Р. Никсон с удовольствием проглотил эту наживку, и с его подачи началась интенсивная модернизация Китая за счет иностранного капитала, который поступал из стран панатлантического сообщества.

В данном контексте имеет смысл рассмотреть политические технологии участия западных стран в китайской модернизации. Первой страной, которой было поручено проверить намерения и способности Китая, стала Япония, которая начала интенсивную модернизацию устаревшей инфраструктуры

Китая (дорог, коммуникаций, промышленных предприятий). За ними потянулись владельцы капиталов из всех стран панатлантического сообщества. В 1990-х гг. Китай совершил мощный модернизационный рывок, преобразовав свои производительные силы (в том числе благодаря содействию США) и вторгшись на основные мировые рынки с товарами потребления, которые в огромных количествах и по довольно высоким стандартам качества стала производить китайская промышленность. Однако главная задача – подчинение Китая геостратегическим императивам единого центра – ускользала от бдительных западных кураторов китайской эволюции. Они видели, что Китай, с удовольствием принимая и умело используя инвестиции частного капитала, не думает менять свою политическую структуру и не собирается содействовать торжеству целей американской гегемонии.

Мощные социальные протесты в Китае, в частности на площади Тяньаньмэнь, были беспощадно подавлены властями. Это вынудило госсекретаря США Дж. Бейкера предупредить китайское руководство о том, что американская политика всеобщей поддержки будет продолжена только в том случае, если Китай пойдет по пути, предложенному США, не проявляя никаких стремлений к самостоятельной оценке предлагаемых инициатив. Дж. Бейкер писал: «В начале 1989 г. китайско-американские отношения прошли свой пик постнормализации. Довольно широкие дипломатические, экономические, военные и культурные обмены и контакты процветали... Реформы Дэн Сяопина давали положительные результаты, и торговля США с Китаем развивалась очень активно» [15, р. 101]. Одновременно Дж. Бейкер выражал откровенную обеспокоенность тем, что Китай зорко следит за тем, чтобы западные идеи и ценности не охватывали слишком широкие слои населения и чтобы американский гегемонизм не становился источником определения главных направлений китайской внешней политики. Забота Китая о своей внутривластной эволюции все чаще давала о себе знать американскому руководству. Последнее опасалось консервативности китайской политической структуры – однопартийной системы власти, которая не спешила ориентироваться на политические критерии государственного управления в западных странах.

Ускоренное развитие Китая, безусловно, настораживало «глубинное государство» США. Китаю были сделаны недвусмысленные предупреждения о том, что он должен следовать обозначенному для него курсу западной стратегии единого центра. В противном случае страну ожидают довольно неприятные меры, касающиеся ее политической структуры.

Кампания давления на Китай была начата президентом Д. Трампом и столь же интенсивно продолжена президентом Дж. Байденом. Такая стратегия приобрела долгосрочный и многосторонний характер.

Западные стратеги делают однозначные намеки на то, что Китай, будучи одним из самых интенсивных потребителей энергетического сырья, закупаая в мире все (от природного газа до дерева и металла), пытается определить для себя пути развития, которые не совпадают с императивами единократия и вызывают необходимость политических шагов противостояния. Аргументация, используемая в этом случае, является неизменно агрессивной и даже наглой. В данном ключе будут уместны тезисы Б. Расселла о том, что нет сомнения в том, что цивилизация, созданная белой расой, остается господствующей. Правда, из тезисов Б. Расселла аккуратно изъято упоминание о том, что сервильное усвоение этой цивилизации и следование ей делают народы стерильными и неспособными к собственному развитию, а это рано или поздно приводит к глубоким кризисам. Б. Рассел с беспокойством отмечал, что глобальное общественное мнение склоняется к тому, чтобы роль США в мире несколько сократилась, и сразу же предупреждал, что такая ситуация вызовет мировое неравновесие и растущий хаос [20–22]. Опечаленный такой расстановкой сил, американский исследователь Дж. Каган произвольно толкует идеи Б. Расселла и спешит повторить идею о том, что дружба между Западной Европой и Америкой укрепляется и выступает краеугольным камнем стабильности как в мире, так и в американской политике единократия.

Стратегическую роль США и их союзников Дж. Каган умело обосновывает тем, что если Америка и не способна существенным образом оздоровить обстановку в мире и ликвидировать мировую бедность, устранить опасность новых войн, то во всяком случае она способна затормозить развитие мира по худшим сценариям и создать трудности для государств-отступников. Исходя из этого Дж. Каган оправдывает и растущее американское военное присутствие во всем мире, и серию военных акций, которые США предприняли в мировом масштабе на стыке XIX – XX вв., а также в XXI в. Сам факт согласия государств на размещение военных баз и американского присутствия в мире, по убеждению исследователя, свидетельствует о том, что на самом деле глобальное распространение власти США не должно вызывать ужас и ненависть. Большая часть мира не только соглашается с этим, но и охотно предоставляет помощь Америке в реализации ее геополитического превосходства. И происходит это не потому, что люди любят Америку, а потому, что воспринимают ее как защиту от других, более опасных региональных держав и их амбиций [20–22]. Такое смещение акцентов с опасности американской стратегии гегемонизма на якобы угрозы, исходящие от держав по отношению друг к другу, закрепилось в общественной мысли Запада в качестве неприкасаемой научной догмы.

Значительные усилия на пути формирования указанной позиции западных аналитиков предпринял в свое время известный американский исследова-

тель З. Бжезинский. Будучи советником президента Дж. Картера, З. Бжезинский сделал немало для избрания поляка на папский престол, что привело к усилению русофобии не только в Польше, откуда он родом, но и в США. Большой опасностью для мира на стыке XX–XXI вв., по мнению З. Бжезинского, был глобальный хаос. Выход из этого хаоса он однозначно видел в реализации сценария мироустройства, который бы и дальше продвигал идеалы американской революции. В качестве последних он называет прежде всего демократию, право на свободное развитие народов и рас и торжество капиталистического способа производства. З. Бжезинский отмечает, что в конце XX в. начали проявлять себя глобальные политические процессы, которые смогли бы вывести мир из состояния неравновесия при условии, если бы Америка осталась в стороне [23, р. 45–84].

Такой подход З. Бжезинский называл политическим пробуждением в направлении понимания неизбежности западного доминирования над общественными процессами. Он писал, что «...отличительной чертой современного глобального политического пробуждения является то, что оно происходит в философском контексте, в котором этой тенденции не противопоставят никакие другие цели. За исключением исламского мира, где фундаментальные политические тенденции обозначают себя особенно ярко, глобальная политическая сцена управляется риторикой и ценностями, ориентированными в основном на потребление и подчеркивающими личное самодовольствие в качестве первичной цели политического действия. Влияние жизненного стиля западных государств, которое проецируется глобальным телевидением, играет особое значение в том смысле, что оно ориентирует на приобретение материальных благ и мгновенное удовлетворение других личных целей» [23, р. 53]. З. Бжезинский не осуждает эту ориентацию. Он считает ее глобальным устремлением человечества. Мешать данной ориентации невозможно, следует только поддерживать ее ход. Важными здесь являются, безусловно, западное лидерство и опасность кризиса американской сверхдержавы, в результате которого она может потерять это лидерство. Сама возможность такого кризиса является, по словам З. Бжезинского, одной из серьезнейших опасностей современной эпохи [24, с. 74–118].

По мнению политолога, катализаторами американского кризиса могут быть две геополитические перспективы. Первая перспектива состоит в опасности «возвращения» Азии. Характерно, однако, что З. Бжезинский, описывая такой сценарий, тут же смещает акценты угроз и лишь упоминает о возможности выдвижения стран Азии на ведущие роли. Вторая перспектива заключается в восстановлении экономического могущества и военной мощи России [24, с. 117]. Именно З. Бжезинскому принадлежит известный тезис о необходимости сдерживания

России, а также об отделении Украины от России, потому что вместе (о Беларуси он не упоминает) они были бы мощной державой. Без Украины Россия будет обычной европейской страной [24, с. 120].

Сам факт реализации новой стратегии политического гегемонизма США в условиях распада СССР однозначно связан с представлением о мире как об обществе, вступившем в неуправляемый хаос после окончания двуполярного противостояния. В тех регионах мира, где этот хаос не столь очевиден, стратегии США вызывают его искусственно, с помощью торгово-коммерческих, экономических, политических и иных технологий.

Известный американский исследователь современной политической ситуации, руководитель Совета по международным отношениям США Р. Хаас объясняет современное состояние хаоса и разброда тем, что функционирование мировых договорных обязательств, достигнутых государствами после Второй мировой войны (мировые финансовые соглашения в Бреттон-Вуде, создание ООН и других международных структур) серьезно нарушено вследствие распада СССР. Он даже скучает по тому состоянию стабильности, которое наблюдалось в период холодной войны. По убеждению Р. Хааса, опасность взаимного противостояния и ядерного столкновения тогда вполне уравнивалась рядом договорных соглашений, которые ограничивали рост вооружений, значительно снижали риск новой войны и сдерживали распространение оружия массового уничтожения. Сейчас влияние на мир, по его словам, переходит в множественные руки в отличие от ситуации биполярного противостояния, и потому мировая уравновешенность является призрачной. Исследователь говорит о нескольких критериях достижения мирового равновесия, в числе которых выделяет ощутимый уровень доверия между странами и решающую роль одного-двух ведущих государств. Выход Р. Хаас также видит в однополярности, поскольку она даст Америке возможность проецировать свою экономическую и военную мощь на весь мир и этим обеспечить мировое равновесие [25, р. 77–195, 209–215].

В противном случае нынешнее состояние мира может стать константой, которая послужит основанием для серии изнурительных конфликтов [26, р. 361]. Примечательно, что оценки кризисного состояния мира, высказанные другими американскими исследователями, достаточно резко контрастируют с решениями Генеральной Ассамблеи ООН 1999 г., которая была посвящена задачам будущего тысячелетия: ликвидации мировой бедности, борьбе с эпидемиями и климатическими изменениями, достижению единства и сотрудничества всех народов мира.

Крупный американский исследователь современной геополитики Дж. Миршаймер объясняет нынешнее кризисное состояние мира в основном тем, что

великие державы, победившие во Второй мировой войне, не смогли договориться о создании новых международных условий, способных предотвратить глобальные конфликты. Опять же он косвенно возлагает вину на СССР, который будто бы вынуждал западные государства «активно противостоять коммунизму» [26, р. 365]. Возможность ликвидации этих кризисных феноменов Дж. Миршаймер так же, как и Р. Хаас, видит в сотрудничестве мировых держав, подчеркивая при этом, что именно сотрудничество, а не соревнование по вопросам обеспечения безопасности является условием сохранения мира. После распада СССР это сотрудничество, по убеждению политолога, было достаточно краткосрочным, а теперь предстоит выстраивать новый миропорядок и великие державы должны выступить с новыми глобальными инициативами. Однако в числе этих инициатив, как и в числе мировых держав, которые должны управлять новым миропорядком, выделяются американские сценарии единого центра. И ведущей среди них выступает Америка. Что касается других стран, то присоединение к такой группе держав должно учитывать прежде всего интересы США.

В начале XXI в. критика была направлена уже против России как против одного из источников мирового дисбаланса. Такая позиция была аргументирована тем, что нельзя недооценивать стремление России к защите своего суверенитета. Рано или поздно Россия энергично начнет защищать свои интересы, как это и обнаружилось в конце второй декады XXI в. Пытаясь упредить действия России, США реализовали экспансию НАТО в Украине, что создало новые условия для роста международной напряженности в Европе и основания для возникновения новых региональных и даже мировых конфликтов.

Хотелось бы не терять надежду на то, что ведущие политики США увидят растущее сопротивление ведущих государств мира американским инициативам. Лидеры США предпочитают действовать испытанными способами и еще более энергично препятствовать попыткам суверенных государств идти по собственному пути развития. Как правило, все заканчивается военным вмешательством США и их союзников в решение международных проблем. Примерами подобной стратегии выступают агрессия США в Югославии в 1999 г., вторжение США в Ирак в 2003 г. (вопиющее нарушение Америкой международных правил привело к тому, что даже Германия, Франция и Италия, являющиеся ведущими членами НАТО, отказались участвовать в операции), военное вмешательство во внутренние дела Сирии. Геополитическое давление на Иран, колоссальное геостратегическое поражение США в Афганистане стали печальными вехами американского гегемонизма в XXI в. Однако пока ничто не указывает на смену губительного для всего мира курса США.

Библиографические ссылки / References

1. Stead WT. *The Americanization of the world*. New York: Markley; 1901. 460 p.
2. Schlesinger A. *The disuniting of America: reflections on a multeltur society*. New York: Whittle Books; 1991. 208 p.
3. Parenti M. *L'Horreur impériale: Les USA et l'hégémonie mondiale Broché*. Paris: Aden Belgique; 2004. 252 p.
4. Newhouse J. *Imperial America: the Bush assault on world order*. New York: Knopf; 2003. 194 p.
5. Zeigler J. *L'empire de la Honte*. Paris: Livre de Poche; 2007. 344 p.
6. Kissinger H. *Does America need a foreign policy? Toward a diplomacy for the 21st century*. New York: Simon & Schuster; 2001. 318 p.
7. Steil B. *The Marchall Plan: dawn of the cold war*. New York: Simon & Schuster; 2018. 624 p.
8. Ekbladh D. *The great American mission: modernization and the construction of an American world order*. Princeton: Princeton University Press; 2010. 386 p.
9. Gingrich N, Schellhas B, Gillespie E, editors. *Contract with America: the bold plan by Rep. Newt Ginrich, Rep. Dick Armeý and the House republicans to change the nation*. New York: Times Books; 1994. 196 p.
10. Toffler A, Toffler H. *Creating a new civilization: the politics of the third wave*. Atlanta: Turner Publishing; 1995. 112 p.
11. Kenworthy L. *Social democratic America*. New York: Oxford University Press; 2014. 238 p.
12. Schlesinger A. *The disuniting of America: reflections on a multicultural society*. New York: W. W. Norton & Company; 1998. 208 p.
13. Voslenskii M. *Tainye svyazi SShA i Germanii. Blok imperialistov protiv Oktyabrya. 1917–1919* [Secret ties between the USA and Germany. The imperialist bloc against October. 1917–1919]. Moscow: Nauka; 1968. 331 p. Russian.
14. Beschloss M, Talbott S. *At the highest levels: the inside story of the end of the cold war*. London: Little Brown & Co; 1993. 498 p.
15. Baker J. *The politics of diplomacy*. New York: Putnam Adult; 1995. 687 p.
16. Follath E. *Die neuen Großmächte*. München: Deutsche Verlags-Anstalt; 2013. 448 p.
17. Mahbubani K. *The great convergence: Asia, the West, and the logic of 48 one world*. New York: Public Affairs; 2014. 315 p.
18. Moyo D. *How the West was lost: fifty years of economic folly- and the stark choices ahead*. London: Penguin Books; 2011. 240 p.
19. Camous T. *Orients – Occidents, 25 siècles de guerres*. Paris: Princeton University de France; 2007. 438 p.
20. Kagan R. *Of paradise and power: America and Europe in the new world*. New York: Vintage Books; 2004. 157 p.
21. Kagan R. *The return of history and the end of dreams*. New York: Knopf; 2008. 116 p.
22. Kagan R. *The jungle grows back: America and our imperiled world*. New York: Knopf; 2018. 192 p.
23. Brzezinski Z. *Out of control: global turmoil on the eve of the twenty first century*. New York: Scribner; 1993. 240 p.
24. Brzezinski Z. *Eshche odin shans. Tri prezidenta i krizis amerikanskoi sverkhderzhavy* [One more chance. Three presidents and the crisis of the American superpower]. Firsov YuV, editor. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya; 2010. 192 p. Russian.
25. Haas R. *A world in disarray: American foreign policy and the crisis of the old order*. New York: Penguin Book; 2017. 352 p.
26. Mearsheimer J. *The tragedy of great power politics*. New York: Norton; 2001. 555 p.

Статья поступила в редколлегию 24.10.2024.
Received by editorial board 24.10.2024.